

"Политическое межсезонье: скучно не будет". Круглый стол "Иркутской губернии" (полный текст)

Дмитрий ТАЕВСКИЙ, ведущий круглого стола ИГ: Наша тема сегодня – прошедшие выборы и что нас ждет после них. Хотелось бы не углубляться в федеральные выси, а быть ближе к региональному уровню.

Все наблюдатели сейчас ведут дискуссию на тему, много это или мало - 60 процентов у «Единой России», и большая или нет явка в шестьдесят процентов.

Юрий ПРОНИН, заместитель главного редактора газеты «Байкальские вести»: Трудно однозначно ответить на вопрос – неожиданны результаты или нет. Если бы мы стали говорить об этом до съезда "Единой России", например, в сентябре, до выдвижения Путина первым номером, то результаты, полученные ЕР и остальными партиями – конечно, неожиданные.

Безусловно, первое место у ЕР ни у кого не вызывало сомнений - другое дело, что до 1 октября их результат был бы ниже 50 процентов. За это и шла борьба. ЕР бы все равно получили бы большинство в Думе - но пришлось бы вступать в переговоры с другими партиями, чтобы образовать перевес в парламенте.

Однако в руководстве страны преобладает точка зрения, что такая ситуация - плохо, что власть должна быть сконцентрирована внутри одной партии. На мой взгляд, это не совсем верно.

Если посмотреть на ситуацию после того, как Путин возглавил список ЕР, то результат абсолютно прогнозируемый. Произошел резкий рост рейтинга - но это результат по нижней кромке. Намечено-то было получить 63-70 процентов для ЕР. Результат не провальный, очень сильный, он дает квалифицированное большинство - но, исходя из тех ресурсов, что имелись у ЕР, результат не триумфальный.

Не совсем согласен с теми, кто считает, что рейтинг Путина – это автоматическая плюсовка голосов «Единой России» и «Справедливой России». «Справедливую Россию» я бы безоговорочно в сторонники Путина не записывал, несмотря на все слова Миронова. У Миронова есть свои личные мотивы выказывать лояльность Путину. В ходе выборной кампании проявилось сильное разочарование актива партии СР тем, что Путин возглавил список ЕР, так как многие рассчитывали, что он будет над схваткой. Конечно, он и в этом случае, в мягкой форме, выказывал бы свое предпочтение к ЕР, но это для других партий это считалось нормальным. Естественно, что столь откровенная поддержка президентом одной партии привело к обрушению рейтинга «Справедливой России».

Результаты по Иркутской области тоже не оказались удивительными. Как всегда, у нас ниже явка, как всегда, меньше поддержка победителя. Как всегда, высока поддержка ЛДПР относительно среднего результата.

Игорь МИХЕЛЬ, политолог: Действительно, после выдвижения президента Путина во главе списка ЕР выборы в Госдуму пятого созыва несколько изменили свою сущность. Они превратились в некую демонстрацию поддержки курса Путина. Это уже несколько другое, чем обычные выборы.

Что касается прогнозируемого или ожидаемого результата, то я бы согласился с тем, что результаты партии власти нельзя назвать триумфальными. Единая Россия получила 315 мандатов. Это не намного больше, чем то, что было в четвертой Думе. Конечно, фактор исчезновения одномандатников повлиял на ЕР с точки зрения потери ресурса.

Д.Т.: В худшую сторону.

И.М.: Да. Но президент этот пробел восполнил, и даже с некоторым перевесом.

Что касается результатов по стране и по Иркутской области. Я проанализировал оценки, звучавшие после

выборов. Большая часть аналитиков расценивает победу ЕР, как хороший результат. Смею, однако, заметить, что результат по Иркутской области по проголосовавшим за ЕР из 12 регионов СФО находится на 11 месте.

Некие внутривнутрипартийные моменты говорят о том, что планка в 60 процентов была пограничным результатом. И в тех регионах, где показатели оказались ниже этого, результаты выборов расценивались властью как провал, как неуспех, более того, как соответствующее отношение населения к местной политической элите, к местной власти. На фоне этой тенденции, результат по Иркутской области нельзя назвать не просто триумфальным, но даже успешным.

Какие из этого последуют выводы и изменения, не знаю, проживем – увидим.

Что касается результата по другим партиям. Слабо в регионе выступили коммунисты. Я ожидал от них большего результата. С учетом того запала и той потенциальной энергии, которую коммунисты к этим выборам накопили, они могли бы провести кампанию и стать вторыми по Иркутской области. Они же уступили ЛДПР, причем мы все помним, что областная организация ЛДПР была не просто обезглавлена, она вообще прекратила свое существование с момента исключения главы местного отделения из рядов ЛДПР и изгнания его из фракции. «Справедливая Россия», действительно, получила колоссальный идеологический удар после выдвижения Путина, и тот сравнительно высокий результат, который партия получила на выборах, крайне удивителен. По остальным же партиям результаты лежат в рамках возможной допустимой погрешности.

Дмитрий ЕЛОВСКИЙ, директор по развитию агентства «Пресс-рецептор»: До выборов многие эксперты предполагали, что вероятна двухпартийная нижняя палата, естественно, ЕР плюс КПРФ. Двухпартийная, а не однопартийная - только потому, что закон не допускает иного.

Еще за три недели до выборов не рассматривался вариант прохождения ЛДПР. А после выдвижения Путина «Справедливую Россию» уже вообще не рассматривали как попадающую в Госдуму. И то, что они прошли – это удивительно. Я думаю, их пропустили сознательно.

Что касается ЛДПР - в отношении этой партии много было сигналов. Например, за три недели до выборов было распоряжение на уровне избиркомов, штабов, в том числе и ЕР, немного "подтянуть" ЛДПР. Сделано это было затем, наверное, чтобы не давать ЕР слишком уж большого преимущества в парламенте. Создать некий баланс. Соответственно, «Справедливая Россия» уравнивает КПРФ, так как и те, и другие в левой риторике: могут набрать голоса, а могут и потерять на следующих выборах. Пусть пока "топчутся" на одной полянке. А вот прохождение ЛДПР – это своеобразная страховка на случай потери ЕР конституционного большинства.

Если смотреть на результаты выборов по региону, то следует отметить абсолютно вялую кампанию коммунистов. Естественно, из-за этого произошло падение их рейтинга. При том, что ЛДПР транслировало лишь федеральную программу пропаганды, и несмотря на это, получила такой результат.

И «Справедливая Россия», которая устроила борьбу за власть внутри партии, тем не менее, умудрились что-то набрать. Конфликт в региональном отделении - но в тоже время результат чуть выше общероссийского. Возможно, это связано с постоянным упоминанием этой партии в медиа-поле.

Д.Т.: Возможно, и регулярные приезды Миронова сыграли свою роль.

Д.Е.: У «Справедливой России» есть проблема, и они с ней еще долго будут жить: они никак не могут определиться с курсом. СР - несамостоятельная партия, она слишком "танцует" от президента, не имеет собственного взгляда.

Что интересно было в этих выборах. Как ни критикуют ЕР за слабую идеологическую базу, но эта партия все-таки рассматривает государство не как некое обособленное образование, а как часть глобального мира. В их представлениях российское государство вписано в глобальный мир. В других партиях подобного представления нет, они рассматривают Россию, как обособленную территорию. Возможно, поэтому они проиграли.

Д.Т.: Мы плавно перешли ко второму вопросу обсуждения - об управляемой оппозиции. Мы все были свидетелями обвала репрессий на реальную оппозицию.

Если к реальной оппозиции относить Каспарова, Лимонова, СПС, Яблоко, то их фактически загнали перед выборами в самый низ политического общества. Возникает ощущение, что Кремль стремится создать прикормленную оппозицию – ЛДПР, «Справедливая Россия». Даже из коммунистов, похоже, тоже пытаются

сделать прикормленную оппозицию. Есть мнение, что в легальном политическом останется лишь "игрушечная" оппозиция, а настоящая уйдет в подполье, как это сделали с НБП.

Владимир БУХАНЦОВ, доцент ИГПУ: Говоря об оппозиции, нужно определиться с терминами. Есть партии, которые называются оппозиционными, но таковыми не являются. Есть силы, которые являются по сути даже не оппозиционными, а радикальными, они не приемлют существующий строй. Я считаю, оппозиция – это та часть правящего в России и в другой стране класса, которая не находится у власти, но имеет возможности прийти к власти легитимным путем.

Д.Т.: А что у нас сейчас является правящим классом?

В.Б.: Этот класс у нас сформировался – компрадорская буржуазия, чиновники, часть интеллигенции, обслуживающая их интересы. Правящий класс разнороден. Но внутри него существует некий консенсус. Он формируется по принципу «ты наш или ты чужой человек» по отношению к некоему олицетворенному символу.

Сейчас таким символом является Путин. Те, кто с Путины - являются частью правящего класса, которому ничего не хочется менять. Если и меняют, то очень осторожно. Например, кто-то косо на нас посмотрел - мы произнесем Мюнхенскую речь. И тогда все довольны. Реально ничего не меняется, но соблюли некое лицо. Довольны и «Единая Россия», и Жириновский, и я доволен.

Если говорить о нас, сидящих здесь, то мы тоже относимся к той части общества, которая не входит в правящий класс, но где-то близка. В промежуточном положении, как любая интеллигенция, которой хочется сытно есть. На морозе мы не пойдем устраивать дискуссии, и на демонстрацию тоже не пойдем.

Часть правящего класса и сопутствующих социальных групп могут завтра стать властью. Это та часть ЕР, которая не состоит в Думе и не является губернаторами. ЕР – это большая партия, и на всех места не хватает. То есть оппозиция - это те, кто стоит против действующих персоналий, но никогда не будут в оппозиции к Путину. Ведь оппозиция Путину – это системная оппозиция, это КПРФ. Они не выступают за смену экономической системы, за смену политической системы, чтобы они не говорили. Их устраивает Конституция, законодательство. Вы что думаете, тот же Левченко готов пойти на конфронтацию с режимом? А он - один из лучших представителей этой партии. А тот же Зюганов - он что, пойдет на баррикады? Да он три дня, также как и я, без горячей воды не проживет. То есть ему выгодно быть частью правящего класса, которая как бы является оппозицией. Он занял свою нишу. И я не говорю, что это безнравственно. Ведь многое, о чем кричит такая оппозиция – верно. И те, кто находится у власти - они это слушают.

Но есть те, которые тоже принадлежат к правящему классу, но позиционируют себя как оппозиция – это Лимонов, Каспаров. Ни тот, ни другой, ни в одной иной системе жить не смогут. У них имидж борцов, причем борцов неизвестно с чем. Лимонов будет бороться со всем из эстетических соображений, Каспаров – из интеллектуальных. Но говорить, что они - реальная оппозиция, которая может предложить свою программу развития – это глупости. Потому что в России реальной оппозиции нет и не предвидится. Нет социальных групп, интересы которых идут вразрез с правящим классом, и которые могли бы свои мысли артикулировать и повести за собой народ.

Ю.П.: Сейчас на порядок грамотнее руководство, чем было в 90-е. О богатстве меньше говорят, и миллиардеры себя меньше показывают. В условиях, когда столь велик разрыв между богатыми и бедными, демократия не может быть устойчивой. Ничего другого, чем то, что мы сейчас наблюдаем, не может происходить.

Другой вопрос: стоит ли безоговорочно одобрять все, что происходит.

У нас часто говорят: ну какая у нас китайская модель, где нам взять столько китайцев. Однако, впервые на прошлой неделе агентство «Синьхуа», которое имеет фактически монополию на информацию в Китае, обратило внимание, что российские товарищи очень много берут на вооружение в политическом плане у Китая.

Д.Т.: В политическом плане.

Ю.П.: Да. В экономическом нам не создать никогда. Мы на порядок хуже используем свои возможности, в отличие от Китая. А в политической системе выстраивается нечто наподобие дэн-сяо-пиновской модели. Некая ротация власти в рамках власти. Регулируемое обновление. Партии разрешены, но результат их на выборах предрешен и жестко регулируем. Фактически же выборы перестают быть даже гипотетическим

элементом смены власти. Оппозиции никогда не будет разрешено победить, а вся политика происходит за закрытыми дверями внутри одной партии.

Конечно, партия не единоголосна, группы интересов никуда не исчезли. Китай идет по этому пути органичнее, он никогда не перескакивал вперед, он даже размягчается в политической сфере по сравнению с временами Мао. Россия же, если и пойдет по китайскому пути, то какими-то зигзагами. Но нам не привыкать. Мы забежали вперед, теперь начинаем все утрамбовывать, запикивать все, что вылезло, все свободы лишние. Игрет роль и фактор усталости от реформ.

Но я не отрицаю, что китайская модель у нас будет установлена. Причем я вижу в ней ущербность по сравнению с западным путем. Мы признаем, что мы не можем допустить оппозицию открытую, предполагающую смену власти. Мы не можем использовать это для устойчивого развития. Не можем сочетать это со стабильностью, не можем добиться политической динамики. Мы признаем, что у нас может быть лишь жесткий авторитарный режим, либо бардак. Я считаю, это так, но типологически мы отстаем от западных стран. Может мы это и преодолеем, но не скоро.

И.М.: В продолжении темы Запада и Востока. Мы и не то, и не другое. А что касается управляемой демократии - помните, недавно ввели термин суверенной демократии. Она, наверное, предполагает суверенную оппозицию...

Есть внутрипартийная оппозиция, хотя это не стоит называть оппозицией - это просто борьба за власть. Она существует и в ЕР, и в КПРФ. Где-то она более резко выражена, где-то менее. Однако я не вижу вероятности, что в ближайшей обозримой перспективе к власти придет реальная оппозиция, которая только зарождается.

Д.Е.: Когда в конце 90-х - начале 2000- годов говорилось, что у нас есть один центр - это Москва, и это плохо. Это была ситуация, как сейчас в политике, некий мощный центр, который накачивается в течение долгого времени из всевозможных источников. Сейчас наблюдается децентрализация, постепенно корпорации уходят в другие города, строительные компании активно строят не столько в столице, появляются новые концепции. Например, Екатеринбург – третья столица, Санкт-Петербург – морские ворота, Сочи – столица олимпиады, Новосибирск – столица Сибири. Все свое время. Сначала строится одна партия, в которой есть понимание не только российских, но и мировых проблем. В этой партии нарождаются идеологи в области экономики, например, тот же Андрей Буренин, которые имеют собственные мысли о роли и месте РФ в современном мире. Лет через двадцать-тридцать появятся и другие партии с подобным глобальным осознанием целей и задач.

Есть мнение, что глобальная политика является лишь отражением глобальной экономики. Это один из инструментов влияния. В одной партии это есть, в других партиях нет такого понимания. Пока только СПС представляла реально пути развития страны. Именно поэтому она находилась в жесткой конфронтации с действующей властью. СПС предлагала иной сценарий движения страны. Это была реальная угроза для власти, поэтому с ней так жестко и обошлись. ЛДПР, СР, КПРФ не предлагают альтернативы. А СПС дал повестку по уровню превосходящую идеи ЕР. А это - уже конкурентная борьба, где выживает сильнейший.

В.Б.: То, о чем мы сегодня здесь говорим – это сплошная мифология. В тех же США нет никакой демократии. В европейских странах, особенно центральных, действительно есть демократия. В США же нет оппозиции, есть одна партия, которая представляет из себя две фракции – республиканцы и демократы. Там сформировался замкнутый правящий класс. Есть несколько центров, где готовят будущую правящую элиту.

Если же говорить об интеллекте, то интеллект как раз у коммунистов, тот же Жорес Алферов, Нобелевский лауреат. В оппозиции практически нет людей, которые что бы то ни было создали с интеллектуальной точки зрения.

Д.Т.: А Каспаров?

В.Б.: Великий шахматист. Трагедия его жизни, что он не ограничился игрой в шахматы, а пошел в политику. У нас нет реальной оппозиции и на уровне индивидуальности. Мы тут говорим о создании партий. Раньше партии росли снизу и параллельно. Сейчас без поддержки сверху ни одна партия не может осуществиться. Вся оппозиционность сводится к тому, что «меня отстранили от власти», как вышло с СПС. Эти люди сами создали основы для однопартийной системы.

Ю.П.: Безусловно, обида на потерю власти есть у всех политиков. Тот же Касьянов уже не один год ездит по регионам, а он был премьером на всем готовеньком. Сейчас не нужно ждать, что он придет к власти и станет что-то делать. Если бы у нас была американская система, то есть одна партия, тут же вырастет другая. Но

этого не происходит

В.Б.: У нас нет народу даже на полторы партии.

Д.Т.: Вернемся к региональному уровню. Мы видели, какой административный ресурс применялся во время подготовки к выборам. Но он применялся не столько для того, чтоб заставить людей голосовать за ЕР, сколько для того, чтобы заставить прийти на выборы.

Возникает вопрос: зачем Кремлю нужно столько усилий, чтобы обеспечить высокую явку? Ведь результат был бы тем же при явке 30 процентов.

Принудительные методы повышения явки неизбежно приведут к вырождению самой идеи выборов, как в советское время. И это уже случилось с муниципальными выборами в Иркутской области, где явка минимальна.

И.М.: Я не считаю, что явка была высокой. Высокая явка была на референдуме по объединению, даже запредельно высокая - причем не совсем понятная и адекватная.

Зачем власть добивалась высокой явки? Ответ в анализе результатов. На мой взгляд, есть некая корреляция между явкой и результатом победившей партии. Она не везде четко прослеживается, но она есть: 50 процентов явка – 50 процентов у ЕР, 70 процентов явка – 70 процентов у ЕР. Безусловно, где-то эта кривая останавливается... но все же тенденция есть.

Ничего плохого нет, что явка столь высока. Разные мотивы приводят людей на выборы. И, конечно, угроза, что можно отследить, был человек на выборах или нет - она мифическая, кого можно этим напугать? В реальности она массового эффекта не даст. В два раза поднять явку таким способом нельзя. За исключением, кавказских регионов, само собой. В Иркутской области традиционно низкая явка и по результатам мы не дотягиваем.

Д.Е.: Я согласен с Игорем Николаевичем, чем выше явка, тем лучше результат у ЕР. У этой партии электорат - за стабильность, за нормальную передачу власти. Но отрывать энную часть тела от дивана в воскресенье этот электорат не хочет.

Второй момент - нормальная легитимизация партии, ее результата в глазах мирового сообщества, которое сомневалось в этом. Но пока экономические интересы населения поддерживаются, нарушение избирательного законодательства дальше обсуждения в СМИ не пойдет. Вопрос стоял, чтобы пришло более половины населения. Это был показатель доверия населения. Все сложилось.

В.Б.: Высокая явка позволила преподнести выборы как референдум доверия президенту Путину. Его личный рейтинг высок, людей всколыхнуло, что нужно его поддержать.

Я знаю по своим студентам, что, когда даешь идеологическую оценку ЕР, они даже обижаются, так как тем самым бросается тень на Путина.

Относительный неуспех коммунистов состоит в том, что людям предложили выбрать между компартией и Путиным. Люди выбрали президента. Люди не столько за Единую Россию, сколько за Путина. Явку большую хотели, чтоб мобилизовать население: легитимная передача власти, массовая поддержка населения. И это положительный фактор. Если нет национальной идеи, то должен быть другой стержень. Это может быть мобилизация вокруг национального лидера - для России это характерно. Людей не интересует ничего кроме зарплаты и улучшения жизни. И пусть Путин будет в качестве объединяющей идеи.

Ю.П.: Насчет явки, тут можно использовать горбачевское слово "консенсус". Начиная с какого-то процента начинает расти доля ЕР. Каждый дополнительно пришедший избиратель дал дополнительные очки ЕР. Дмитрий Еловский тактично назвал «ленивый электорат», который не пойдет специально на выборы, без дополнительных стимулов. Но у правящей партии есть случайные избиратели, которым по-хорошему лучше бы на выборы и не ходить. Они не интересовались партиями, мало что знают. Фрагментарные и фоновые впечатления у них всегда в пользу партии власти. Как только явка становится больше пятидесяти-шестидесяти процентов - значит, привлекли к участкам именно этих «случайных».

Не хочу обидеть партию власти, но у нас мало людей способно сделать осознанный выбор, не обладая ни полной информацией, ни способностью соотнести программы партий с собственными интересами.

Д.Т.: Прошло 160 лет, а русский народ по-прежнему ленив и не любопытен.

Ю.П.: Все нормально. Все в рамках закона

Д.Е.: Насчет обоюдного согласия, это правильно. Насколько я знаю, применялись механизмы увеличения явки, как и на референдуме, например, под угрозой лишения премии. И оппозиционные партии к этому спокойно отнеслись. Эта схема устраивает всех.

И.М.: Нужно различать контроль явки на выборы и контроль, за кого проголосовали.

В.Б.: Более того, я видел на участке наблюдателя из Справедливой России, который даже бейджик с логотипом партии не снял. Это же косвенная агитация. И никто не сказал ни слова. Наш человек будет использовать рычаги воздействия, если у него они есть. И дело не столько в административном ресурсе, сколько в психологии нашего человека.

Д.Т.: Вернемся к нашей повестке. Почему Якубовский и Тишанин отказались от мест в Думе? И каков расклад у нашей региональной политической элиты после выборов, чего нам ждать? Я полагаю, что и глава города и глава региона ждут президентских выборов, дабы там обеспечить их результат, и далее их судьбу решать...

Ю.П.: Для решения судьбы есть более подходящая дата, нежели президентские выборы. Это завершение объединительного процесса регионов в конце 2008 года. Тот рубеж более подходящий.

По итогам выборов сохранился статус-кво. Больших изменений не произошло. Остался и Тишанин, и Якубовский. Они представляют одну партию, но есть у них расхождения в интересах. Уход Якубовского был бы возможен при гарантировании ему прихода к власти фигуры, которая не занималась бы расследованиями его деятельности на посту мэра. Такие гарантии сложно получить. Список потенциальных претендентов - он такой гарантии не дает.

Мэр Иркутска видится как некий противовес губернатору - поэтому я говорю о ничьей. Никому из них не удалось спровадить оппонента в Госдуму. Губернатору не удалось расширить свое жесткое влияние на городские дела.

Если сделать обзор местной прессы, то, как ни странно, сложно найти комментарии о еще одной важной фигуре: о Константине Зайцеве. Эта фигура сменила свой статус, что привело к усилению губернатора. Но мы знаем, что этот успех нивелируется коррупционными скандалами в администрации Иркутской области. Ни один заместитель главы региона, кроме Воронова, за весь постсоветский период не был уличен в подобных делах.

В целом, вероятность обновления регионального руководства весьма велика осенью 2008 года. Опять же, мы не можем учесть влияния, которое окажет федеральный центр на события в регионе в связи с новой, пятой думой.

И.М.: Два паровоза регионального списка отказались от своих мест. Практика такова, что во всех регионах, где главы состоят в ЕР, они возглавляли списки. Иркутск же был всегда для партии власти провальным городом, и включение в список мэра - это была попытка усиления позиций ЕР.

Думаю, ни один из них не принимал решение сам: обстоятельства диктовали им, как поступить. На этих выборах были созданы прецеденты, когда некоторые главы субъектов регионов уходят в Госдуму. В числе губернаторов, которые должны были сменить место работы до последнего фигурировал и губернатор Иркутской области. Когда во ВЦИК распределяли мандаты, от губернатора Иркутской области не было ни подтверждающего заявления, ни отказа от мандата. Поэтому ситуация по пятому депутату от Иркутской области была долго не определена.

Я соглашусь с Юрием Владимировичем, что вероятность смены власти в Иркутской области весьма велика. И произойдет это скорее всего, в конце объединительного процесса, осенью 2008 года. Я не вижу признаков усиления политических групп региона. Депутатский состав принципиально не изменился. Все остались при своих.

Д.Е.: Насколько я помню, Александр Георгиевич Тишанин и не собирался никуда уходить. Он это неоднократно повторял на встречах. Конечно, я согласен, есть силы, которые могли повлиять на его решение. Но все попытки выдвинуть Тишанина из региона не увенчались успехом, даже уголовные дела на членов его команды не помогли.

Акция по выдавливанию губернатора провалилась. Это продемонстрировало, как элиты региона разрозненны

и неспособны договориться для консолидированных действий. Губернатор показал, что плевать он хотел на мнение элиты, что он устраивает федеральную часть руководства, у которой есть определенные интересы в иркутской области.

Что касается мэров, то они постепенно лишаются властных ресурсов. Сейчас есть возможность привлекать сити-менеджеров. Из ведения мэров выводится система ЖКХ, которая передается частным компаниям. Это лишает мэров ресурса влияния на население. Постепенно выведут и дорожное строительство. Мэр станет представительной фигурой, занимающейся стратегическим планированием. То, что Якубовский не ушел в Госдуму свидетельствует о том, что теряется интерес к мэрской должности. Но, с другой стороны, его уход означал бы падение города в полугодовой конфликт за место городского главы. Кандидатура преемника Якубовского очень туманна. В снятии же губернатора не заинтересованы ни Газпром, ни Русал. Он им не мешает. У них четко разведены сферы влияния. Мне кажется, нет причин смены губернатора до окончания срока его полномочий.

В.Б.: Прозвучала интересная фраза: "мэры лишаются власти". Получается, можно сказать - власть лишает своих ставленников административных (то есть коррупционных) рычагов влияния на народ. Либерализм? То есть СПС только говорит, а ЕР претворяет в жизнь?

У нас ни Якубовский, ни Тишанин - не политики. Не о них Макс Вебер говорил: «Политика как призвание и профессия». Если посмотреть канал рекрутирования, то он как был так и остался – административным. Эти люди ни политически, ни идеологически не подготовлены к политике. Они только разводят экономические потоки.

Мы присутствуем при процессе, когда людям сказали быть идеологически ангажированными, вступить в партию. А они к этому не готовы. Они не хотят заниматься прямым политическим делом, законотворчеством.

Что касается принятия решения о том, кому идти в Госдуму - то ни Якубовскому, ни Тишанину не решать.

Что касается партийной поддержки, то в Ангарске одно кандидата поддерживал губернатор, другого – федеральный инспектор. Все единокороссы, но победил тот, кто грамотнее провел избирательную кампанию. Вот вам и административный ресурс. У Канухина и у Болотова был административный ресурс больше, но оба проиграли.

Ю.П.: Я бы не стал драматизировать обстановку. Конфликты в элите чередуются с перемириями. Все, что касается, например, Мutowина, носит черты договоренности между ветвями власти.

Владимир Викторович сказал, что губернатор у нас не политик, и мэр не политик. Поэтому для них депутатский мандат не столь привлекателен в Госдуме. А выборы идут по партийным спискам, и преобладание ЕР столь явное, что возможности для коррупционно-лоббисткой деятельности остаются очень скромные. Когда было шаткое большинство, тогда фракцию можно было купить. Теперь же договоренности идут на уровне партийной верхушки, при жесткой партдисциплине. Лоббистов почти не осталось. Они переместились в правительство. Парламентские лоббисты и пишущие законы – это, конечно, Шуба и Грачев, и подает надежды Левченко.

В.Б.: Отрадно, что у нас появились профессиональные политики. Это же хорошо. Шуба и Грачев действительно как законодатели могут принести пользу.

Д.Т.: Как результаты выборов повлияют на местные отделения партий?

И.М.: СПС - часть народа вышла из партии, часть из руководства. ЕР – несмотря на громкие режиссии, результат не очень хороший. СР – тоже переживает сложные времена. Коммунисты получили ожидаемый результат, хотя по Иркутской области и пониже. Остальных отделений не существует. Это скорее виртуальность. Всем предстоит переосмыслить существующие реалии, попытаться себя улучшить, усилить, укрепить. Либо сложности продолжатся. Региональные отделения сейчас явно не на пике своей боеготовности.

В.Б.: Я мог бы рассказать о ситуации в СР. Самые тяжелые времена партийное отделение пережило. Руководителем был избран Иван Грачев. Все конфликты теряют свою актуальность, поскольку Грачев – фигура российского масштаба, и соперничать с ним никто не в состоянии. Это даст момент стабилизации. Партии же не один год, она создалась на базе партий «Родины» и «Российских регионов». У людей появился вкус к партийно-политической работе. Но с другой стороны, встраивание всей российской политической системы под преемника чревато, позиционировать себя партиям трудно.

Ю.П.: Я хотел бы добавить ложку дегтя в бочку меда регионального отделения СР. Я знаю, есть некоторая разочарованность в том, что СР – единственная партия, которая не обязана собирать два миллиона подписей для своего кандидата в президенты и она его не выставила. Все другие выставили, а эта нет.

В СР есть глухое ворчание против подобной ситуации. Что касается других партий, то уцелеют КПРФ. Шансы есть сохраниться на плаву у аграриев.

2008 год в Иркутской области - еще и год выборов в ЗС. Партии берут разгон. Конечно, и президентские выборы для этого будут использованы. Думаю, при семипроцентном барьере, шансы велики у этих четырех партий, и, возможно, еще у аграриев. Возможно, не пройдет ЛДПР. У нас в области популярен Жириновский, но не региональное отделение. Определенный момент неопределенности принесут одномандатники.

Д.Е.: Выборы в ЗС будут любопытны. Группировки, объединенные по экономическим интересам и по политическим.

ЛДПР остается под вопросом. Я ожидал бы появления на региональном уровне местной звезды от этой партии.

В ЕР будет страшная война за места в списках. Одновременно с этим сократились возможности влияния у губернатора, падает роль ЗС. Главный вопрос, решаемый областным парламентом – вопрос о стратегии развития региона - не решается. ЗС самоустраняется, вопросы решаются в Москве. Нет желания, умения региональных отделений партий бороться и искать место Сибири и Иркутской области в глобальных планах России и стран АТР. А это нужно делать, ведь Иркутская область серьезно проигрывает в конкурентной борьбе не только Красноярскому краю, но и Бурятии и Якутии. Если партии не начнут предлагать внятную ясную стратегию, ориентированную не на население, а на будущее области, то мы не увидим реальной политической борьбы. Это будет межклановая, а не политическая борьба.

Д.Т.: Таким образом, мы видим, что накал политических страстей в предстоящем 2008 году ожидается не на федеральном, а на региональном уровне. Нас ждет крайне интересный и сложный политический год. Скучно не будет.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ПОЛИТИКА, БАЙКАЛ 👁 10553 02.01.2007, 13:43 📌 406

URL: <https://babr24.com/?ADE=42312> Bytes: 31323 / 31008 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ВЫБОРЫ В ГОСДУМУ 5 СОЗЫВА"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)